

Светлана Казакова

ЛИЛИЯ ДЛЯ ГЕРЦОГА

В соавторстве с Ириной Шевченко

СУДЬБА НА ВЫБОР

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Светлана Казакова

Лилия для герцога

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2019
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К14

Серия основана в 2011 году
Выпуск 412

Художник
М. Поповский

Казакова С.

К14 Лилия для герцога: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2824-3

Меня зовут Лилиан. Я не помню моего прошлого до попадания в уединенную обитель. Здешним девушкам подыскивают мужей, и ко мне посватался молодой и красивый герцог. Жаль, никто не предупредил, что к нему прилагаются властная бабушка, коварная соперница и загадочный друг-северянин. А еще тайны, которые, кажется, связаны с тем, что я забыла.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Светлана Казакова, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2824-3

ПРОЛОГ

Над густым лесом раскинулось ночное небо. Полная луна сияла ярко, словно хотела поспорить с дневным светилом. Именно на нее, уткнувшись носом в холодное оконное стекло, смотрела пятилетняя девочка в длинной ночной рубашке.

— Правда ли, что в полнолуние действует любое колдовство? — спросила малышка у няни. Та в ответ пугливо огляделась по сторонам — точно боялась, что за неправильный ответ может лишиться работы. — Ну же, скажи! — затеребила подол няниной юбки Лили.

— Об этом вы должны спрашивать не у меня, маленькая госпожа, — отозвалась женщина, опуская глаза.

— Но мама и папа тоже не хотят ничего рассказывать! — обиженно выдохнула девчушка.

— Значит, вам еще рано такое знать.

В ответ Лилиан надула губы, но пообещала себе, что ночью непременно не заснет. Хотя бы посмотрит на полную луну. И сдержала обещание.

Когда на идеальную окружность лунного диска легла тень, Лили изумленно приоткрыла рот. Казалось, какое-то чудовище разинуло гигантскую пасть, чтобы проглотить луну. Ам — и нет!

Но луна не исчезла полностью. Она стала темно-красной, точно налилась кровью. Страшно...

Девочке хотелось зажмуриться, но она смотрела. Не сводила глаз с небесного тела и не заметила, как другие тени — живые, движущиеся — проскользнули к воротам ее дома. Не слышала Лили и того, как они поднимались по лестнице, ловко минуя скрипучие ступеньки.

А через некоторое время приоткрылась дверь в ее комнату. Лилиан обернулась. И почувствовала, как крик застрял в горле при виде шагнувшей к ней няни. С ее одежды капала кровь. Неловко взмахнув руками, женщина тяжело рухнула на пол, так и не успев переступить порог детской. Лишь тогда маленькая Лили закричала — так громко, как могла. Прежде ей никогда не приходилось вопить изо всех сил. Ее учили, что такое позволено только простолюдинкам, а госпоже надлежит говорить тихо и медленно.

Лилиан замолчала, когда к ней подошел высокий мужчина в темной одежде, пропахшей пылью дорог и конским потом. Он положил руки на ее плечи и слегка сжал, поймав взгляд девочки. Его глаза походили на два бездонных омута, и, нырнув в них, Лили ощутила, как ее ресницы смыкаются и она проваливается в глубокий сон.

— Сожгите дом, я скоро вернусь, — приказал кому-то, стоящему за его спиной, мужчина и взял заснувшую девочку на руки.

Он отнес Лилиан в лес, над которым вновь разливался мягкий серебряный свет луны. Словно ничего не произошло. Уложил на мягкий изумрудный мох и, наклонившись, коснулся ее волос. От крепких пальцев разлетелись похожие на светлячков искорки. Маленькая Лили вздохнула во сне.

— А теперь спи. Ты ничего не вспомнишь.

ГЛАВА 1

Урок истории, как обычно, тянулся долго. Девушки украдкой зевали, стараясь, чтобы этого не заметила наставница. Увы, таланта интересно рассказывать в числе ее достоинств не значилось.

Вид за окном тоже не радовал — синяя полоса неба да несколько чахлах вишневых деревьев, иссушенных солнцем. Время их цветения миновало, а дни, когда можно украдкой лакомиться спелыми ягодами, еще не настали. Если нам, воспитанницам, не удавалось съесть вишни, они доставались птицам.

В древних стенах обители, которые, умей они говорить, наверняка могли бы рассказать куда больше, чем учительница истории, я жила уже четырнадцатый год. С тех самых пор, как меня — помнящую только свое имя — доставили сюда. Все говорили, что мне несказанно повезло, ведь забывшего фамилию родителей ребенка могли отправить в такое место, названия которого нам даже знать не полагалось.

Поначалу мне внушали, что живу я в обители временно. Вот найдется моя семья, и станем мы жить вместе, словно ничего не случилось. Когда я была маленькой, этим словам верила. Ждала, отмечала дни на календаре, молилась, плакала и загадывала, что если, к примеру, продержусь целый день на одной воде, то завтра придут добрые вести и все станет хорошо. А увидев близких, непременно их вспомню, как же иначе? Только все это не помогало. Ничего не помогало.

Нельзя сказать, что меня здесь обижали. Выделили отдельную комнату, кормили — не так чтобы очень уж сытно, дабы не поправлялась; давали уроки вышивания, учили про-

чим премудростям, которые могут пригодиться благородной девице моих лет. Говорили, что готовят к замужеству.

Кроме меня в обители жили другие девушки. Порой, когда за нами не особо строго следили, мы собирались в чьей-нибудь комнате и рассказывали жуткие истории, после которых страшно было возвращаться к себе по длинному темному коридору, где за каждым углом мерещились пугающие тени. Одна из этих историй мне особенно запомнилась. Говорилось в ней о богатом и знатном мужчине, который однажды приехал свататься к девушке, как и мы, воспитанной в обители. Не захотелось ему или денег не накопил, чтобы подыскать жену из родительского дома — надумал сироту взять. Только слабой здоровьем оказалась молодая жена и померла спустя год. Явился вдовец за другой. Девушка не имела права отказать и уехала с мужем, а через полгода вернулась — поседевшая, руки дрожат, ни слова вымолвить не может. На несколько дней ее оставили в обители, а затем решили вернуть мужу. Только, когда приехали, на месте его имени обнаружили лишь старое кладбище.

От рассказа кровь леденела в жилах, а перед глазами проносились картины одна страшнее другой. Так и не заговорила та воспитанница, не рассказала, что произошло. Тайна осталась неразгаданной. Только с тех пор каждая из услышавших эту историю девушек стала побаиваться, как бы не оказаться следующей невестой того страшного жениха. Что, если не человек он вовсе? Значит, и сейчас может быть так же молод, как тогда, когда впервые приехал за девушкой, для которой свадебное платье стало погребальным саваном.

— Город Риент — последний, где сожгли колдунью, — журчал убаюкивающий голос наставницы.

Все это я уже слышала на других уроках. Рассказы о времени, когда любую молодую особу по чужому навету могли схватить прямо на улице, пытать и сжечь на костре. О времени, что успело стать историей, хотя события эти происходили совсем недавно. О времени, из-за которого в нашей стране стало мало девушек и женщин.

Потому мужчины и не гнушались брать в жены безродных сироток из обители.

Наконец, урок истории закончился, начался урок вышивания. Обычно мне нравилось заниматься рукоделием, но сегодня почему-то иголка выскользнула из рук, а стежки ложились неровно. Еще и ветер за окном поднялся — не было бы грозы!

— Лилиан! — окликнули меня из открывшейся двери. От неожиданности я вздрогнула, игла глубоко впилась в палец, на белое полотно брызнула алая капля. — Тебя вызывают!

Когда шла мимо остальных воспитанниц, они провожали меня внимательными взглядами. Наверное, гадали, для чего позвали к настоятельнице? Какую весть собираются сообщить?

Минут через пять, выйдя из знакомого кабинета, куда обычно вызывали провинившихся, я села на низенькую лавочку в коридоре и, комкая в ладонях подол платья, начала мысленно повторять услышанное. Звучали слова гладко, и каждое било без промаха, точно метко брошенный камень: «Ты уже совершеннолетняя... должна понимать... поиски прекращены... больше не к чему здесь оставаться... есть желающий на тебе жениться».

Закрыв глаза, я перебирала возможные варианты. Остаться в обители и служить наставницей мне не позволили, ведь на эти должности отбирали избранных — самых лучших в учебе и... самых непривлекательных внешне девушек. Бежать? Куда? У меня не было ни денег, ни драгоценностей, ни других вещей, которые можно продать. Да и нашли бы меня быстро. Ведь кольца, которые заставляли носить здешних воспитанниц и которые невозможно было снять, являлись не только знаками принадлежности обители, но и «маячками», с помощью которых беглянок легко разыскать.

В день свадьбы кольцо снимали, а вместо него надевали другое — это значило, что девушка перестала быть собственностью обители и перешла в собственность мужа.

Мама! Папа! Ведь были же вы у меня! Почему же не почувляли сердцем, как мне тяжело? Почему не пришли на помощь?

Зажмурив глаза, я попыталась представить себе их лица, но, как и всегда, ничего не вышло. Память не желала возвращаться. Целительница говорила, что такое порой случается и только время может помочь мне и излечить, но сколько же его нужно, чтобы я вспомнила?..

— Что-то случилось?

Подняв глаза, я увидела Аньеллу — девушку, живущую в соседней комнате.

— А ты что здесь делаешь? — спросила, вытирая глаза. С детства не любила, когда меня видели слабой и плачущей. — Урок ведь еще не кончился!

— Сказала, что мне нездоровится. Ты говорила с настоятельницей? Тебя выгоняют?

— Как сказать... — Я вздохнула, и она все поняла по моему лицу.

— Неужто выдают замуж?

— Да...

— А ты не попросила, чтобы тебя оставили здесь? Хотя о чем я говорю... С твоим-то лицом...

Я опустила глаза. Никогда не думала, что однажды моя внешность станет моим наказанием. Правильные черты лица, пухлые губы, теплый цвет кожи — еще не смуглый, но и не бледный, густые темные волосы, серо-голубые глаза. Красота, которой я наверняка гордилась бы, не стань она залогом того, что меня можно выгодно сбить с рук. Ведь обитель получала деньги за невест и жила за счет этого.

— Может быть, тебе рано огорчаться, — сказала Аньелла. — Ведь не факт, что твой будущий супруг — тот самый. Ну, тот, из страшной истории, — добавила она, заговорщицки понизив голос, хотя я и так поняла, кого собеседница имеет в виду. — Возможно, тот рассказ — вообще выдумка. Чтобы нас, глупышек, запугать.

— Я не глупышка! — вспыхнула недовольно, и подруга тотчас рассмеялась.

— Вот чего я и хотела добиться. Чтобы у тебя глаза загорелись! Не сдавайся, Лили, помни, какое имя ты носишь!

Что верно, то верно. Мое имя похоже на лилию, а этого цветка обычно побаиваются. Считается, что он сам собой вырастает на могилах умерших страшной насильственной смертью и предвещает месть.

Однако на тех же уроках истории я слышала, что прежде лилии были в почете, их даже чеканили на старинных монетах. Но с приходом к власти борцов с колдовством, которым чем-то не угодил невинный цветок, многое изменилось. Когда началась охота на колдуний, едва ли какая-нибудь девушка осмелилась бы украсить себя венком из лилий.

На урок мы с Аньеллой не вернулись. Отправились на обед. В просторной столовой уже собрались воспитанницы. Они посматривали на меня с любопытством, но с вопросами не спешили.

Я произнесла вместе со всеми слова благодарения, которые положено говорить перед едой, поднесла к губам ложку с супом, но выронила ее, не успев проглотить ни капли. Тело резко скрутила боль. Я соскользнула на пол и только каким-то чудом не ударилась головой о ножку стула.

Пришла в себя в помещении, где властвовала целительница. Сестра Николина — женщина без возраста. На ее лице не было морщин, но выглядела она такой мудрой, словно знала все тайны мира.

Склонившись, сестра Николина убрала с моего лица мокрую тряпицу, и я, поморщившись, села на узкой кровати.

— Что со мной случилось?

— Просто переволновалась. Я знаю о новости, которую тебе сообщила настоятельница. Неужели это так страшно?

— Вы ведь не находились на моем месте. Откуда вам знать? — пробурчала я и тут же устыдилась. — Простите.

— Ошибаешься, девочка, я находилась на твоём месте. Мне тоже нашли супруга, но он погиб незадолго до того дня, когда должен был приехать за мной. Так судьба указала мое настоящее место.

— Вот как... — удивилась я. А ведь правда — сестра Николина гораздо красивее других женщин, которые жили в обители. — Но вас ведь не угрожали сжечь за то, что вы лечите людей, не окончив медицинскую академию?

— Что ты... Я ведь травница, а не колдунья. А колдуний больше не осталось, — отводя взгляд, грустно сказала сестра Николина.

— И колдовства тоже, — как эхо, вздохнула я. — А так хочется хотя бы одним глазком посмотреть на чудо! Вы когда-нибудь встречали...

— Мне некогда, — оборвала она меня. — Если тебе лучше, ступай. На уроки не ходи, возвращайся к себе.

Я обиделась, но послушалась. Небольшая, скромно обставленная комната встретила меня пением птиц за окном. Ветер стих, точно его и не было. Обняв тряпичную куклу, которую мне подарили еще в детстве, чтобы не плакала, забралась на кровать. В дневное время это запрещалось, но, учитывая, что скоро мне предстоит покинуть обитель, я решила, что можно нарушить правило.

Давным-давно, когда я попала сюда, моя жизнь изменилась. Сейчас предстояла новая перемена. Интересно все же, кто он, мой будущий муж? Почему не выбрал жену с известной родословной? Разве его не страшит, что я не помню, как и где жила до обители? Ведь не могла же настоятельница, рекомендуя меня, умолчать об этом! Или могла?..

Сейчас я уже ни в чем не была уверена. Прежде старалась просто жить и не думать, что в скором будущем такое со мной может случиться, а сейчас казалось, что меня предали. Предали и продали.

ГЛАВА 2

Новый день начался с появления в комнате сестры Николины, которая пришла справиться о моем самочувствии. Остаток вчерашнего дня я провела у себя, даже ужинала тут, хотя обычно подобное воспитанницам запрещалось. Види-

мо, правила обители на меня больше не распространялись. Ведь одной ногой я уже была не здесь.

— Все хорошо, — ответила на вопрос целительницы, прислушавшись к себе. Ничего не болело, лишь глухая тоска ледяной рукой сжимала сердце. Но лекарства от такого недуга еще не придумали.

— Не нравится мне твой настрой, — вздохнула сестра Николина. — Ты ведь не первая и не последняя, с кем такое случилось. Почти все девушки рано или поздно становятся женами и матерями.

Матерями? Я поежилась, смущенно отвела взгляд. О том, что происходит между мужчинами и женщинами, когда они остаются наедине, нам говорили только намеками, оставляя немалый простор для воображения. Однако все знали, что после этого на свет появляются дети.

— Но почему настоятельница не разрешила мне остаться в обители? — поинтересовалась я.

— Ты прекрасно знаешь почему. И потом, всякое может случиться. Оставшись здесь, однажды ты могла бы пожалеть о своем решении.

— Но вы ведь не жалеете...

— Откуда тебе знать?

Я прикусила язык. В самом деле, откуда? Как говорится, чужая душа — потемки. Я ведь и не догадывалась о том, что у сестры Николины когда-то был жених, и не узнала бы, если бы она сама не поведала. Может быть, живя много лет в обители, целительница втайне тосковала о другой жизни?..

Мечтала о собственном доме, а не о комнате с дверью, выходящей в длинный общий коридор. Думала о том, как хорошо самостоятельно распоряжаться большим хозяйством. О звонком смехе и обнимающих ее детских ручках.

Обо всем, чему не суждено было случиться.

— Наверное, вы правы, — отозвалась тихо. — Но ведь я совсем не знаю человека, с которым... который... Даже представить его себе не могу!

— Уверена, настоятельница со всей серьезностью подошла к выбору супруга... — Сестра Николина погладила меня

по голове ласково, почти по-матерински, и я благодарно зажмурилась, ощутив, как мне не хватало ласки. — Она бы не отдала тебя в руки какому-нибудь негодяю.

— Но настоятельница не всегда была мною довольна.

— Нет, она не стала бы наказывать тебя таким образом. Знаешь что, не ходи сегодня на занятия. Я попрошу Аньеллу посидеть с тобой.

Я с готовностью согласилась. Сейчас никакие науки не полезли бы в голову, да и рукодельничать не смогла бы — руки все время неприятно дрожали. Хотелось покрепче вцепиться во что-нибудь, чтобы унять дрожь, но все вокруг казалось эфемерным, ненастоящим. Будто вся моя прежняя жизнь ускользала из-под пальцев, превращаясь в клочья тумана, которые у меня при всем желании не получалось удерживать. Тот же туман клубился и где-то впереди, в уже недалеком будущем.

Аньелла появилась через несколько минут. Видимо, ее отпустили с занятий, чтобы она могла побыть со мной. Мы были, скорее, приятельницами, чем близкими подругами, но сейчас я обрадовалась бы любой компании.

— Вижу, тебе уже лучше, — произнесла девушка. — Ох, и напугала же ты всех вчера! Упала на пол прямо в столовой — вся белая и не двигаешься!

— Сестра Николина прислала вечером немного еды, — сказала я. — Но мне ничего в горло не лезло. Что там происходит, все говорят обо мне, да?

— Само собой! — хмыкнула собеседница. — Здесь не так много новостей, о которых можно поболтать. Все гадают, каким окажется твой муж. Спорят вовсю. Я, например, не сомневаюсь, что он будет хорош собой, и уже сказала об этом.

— А если ошибешься?

— Тогда придется отдать Ирме свои новенькие синие нитки.

В ответ я вздохнула и обняла себя за плечи. Кому-то моя судьба — повод для азартной игры. Будь на моем месте другая девушка, я бы, наверное, тоже с удовольствием обсуждала новость, горячо спорила и смеялась вместе с остальными.

ми — какими же безмятежными и счастливыми казались мне в эти минуты воспитанницы!

— Ты, кажется, вчера поранилась, когда вышивала, — напомнила Аньелла.

Я глянула на свою руку и с удивлением обнаружила, что след от укола полностью затянулся. Так, словно с момента, когда игла вонзилась в кожу, прошел не один день, а куда больше времени. Я и прежде замечала, что порезы и ушибы на мне заживают довольно быстро, но не настолько же...

Впрочем, сейчас было не до того, чтобы размышлять о странностях собственного тела. Куда больше тревожили другие мысли. Например, о том, когда «покупатель» соизволит прибыть за «товаром», то есть жених за мной...

С Аньеллой мы проговорили до обеда. Она помогла собрать мои немногочисленные пожитки. Все вещи приобретались на деньги обители, но возвращать их не требовалось — они переходили в мою собственность. Кое-что я отложила, решив на прощанье сделать подарки другим девушкам. Просто так, на память. Ведь с тех пор, как я оказалась здесь, воспитанницы стали для меня новой семьей. И пусть я надеялась, что однажды родители найдутся, все равно постепенно привыкла и к здешним обительницам, и к мерному распорядку жизни.

В столовой все смотрели на меня. Я заставила себя выпрямиться и высоко поднять голову. Стыдиться мне нечего. Любая на моем месте переволновалась бы. Слишком уж внезапно все случилось. Еще вчера утром была скромной воспитанницей обители, а сегодня уже чья-то невеста. Еще бы знать чья...

Не выдержав мучительной неопределенности и неизвестности, после обеда отправилась к настоятельнице.

— Я тебя не вызывала, — едва переступив порог кабинета, услышала спокойный голос. Кабинет всегда казался мрачноватым местом. То ли из-за того, что в узкие окна почти не проникало солнце, то ли по той причине, что все здесь соответствовало строгому и суровому облику настоятельницы.

— Простите, — выдохнула я. — Но мне так хочется узнать побольше — что за человек мой будущий муж, когда придет за мной? Вы ведь вчера ничего не сказали!

— Что, не терпится уехать от нас? — усмехнулась настоятельница, и от этого ее худое бледное лицо исказилось и пошло морщинами, как смятая бумага. — Ладно, входи. Так и быть.

Я прикрыла дверь и села на неудобный жесткий стул для посетителей.

— Твой будущий муж — герцог, — произнесла женщина. — Вас ведь учили всему, что касается титулов? Так что можешь представить, как тебе повезло, и поблагодарить меня.

— Я благодарна, — пробормотала, пытаюсь скрыть изумление. Герцог? Но почему он решил жениться на мне? Неужели у него не хватило денег, чтобы выбрать невесту из семьи, которая соответствует его высокому положению? Или герцог происходит из захудалого обедневшего рода?

Настоятельница сквозь полуопущенные веки наблюдала за мной. Мне вдруг на какое-то мгновение показалось, что в ее взгляде промелькнула зависть. Словно она и правда могла завидовать моей красоте и молодости... Но я тут же отогнала порочащие наставницу подозрения. Да, привлекательной ее не назовешь, однако ей удалось занять такое место, к которому наверняка стремились все сестры в обители. Это ли не удача? Ведь не зря же говорят, что, когда у человека отбирают что-то одно, взамен даруют нечто другое, не менее ценное и важное.

Увы, имени жениха настоятельница так и не назвала. Только сказала, что он уже в пути. То есть не он сам, а его поверенный, которому предстоит вступить со мной в брак от имени герцога и доставить молодую жену к супругу в целости и сохранности.

Такое нередко практиковалось, и все же новость меня огорчила. В глубине души мне хотелось настоящей свадьбы — с красивым платьем, длинный шлейф которого тянулся бы по гладкому полу, с лучами света, льющимися в укра-

шенный цветами храмовый зал, с дивной лютневой музыкой... А вместо нарисованной моей фантазией церемонии меня ожидала всего лишь унылая формальность, во время которой одно кольцо сменят на другое, и не будет никакого праздника.

— Жизнь не всегда похожа на наши мечты, — угадала, о чем я думала, настоятельница. — Ступай. Можешь заранее со всеми попрощаться.

Покинув ее кабинет, я открыла дверь, ведущую в сад. Меня душили рыдания, которые никак не могли прорваться наружу и стояли комом в горле. Давно не смазанные дверные петли заело, и я, разозлившись, что не могу выйти на воздух, с силой ударила по двери.

Руку тотчас пронзило резкой болью, но совсем не по этой причине я пораженно замерла на месте. На шероховатом дереве появился четкий выжженный отпечаток. И формой, и размером он напоминал очертания моей ладони.

Я испугалась и убежала прочь — не оглядываясь, не отзываясь, когда меня окликали другие девушки. Лишь в своей комнате, прижавшись спиной к двери, тщательно осмотрела ушибленную руку и не обнаружила на гладкой коже ничего, даже отдаленно похожего на ожог.

Может быть, мне просто почудилось? Или странный след был на дереве раньше, до того, как я в сердцах саданула по двери? Просто он не бросился в глаза сразу, вот и все...

За спиной послышался громкий стук.

— Лили! Впусти! Скорее!

Я открыла. Взволнованная Аньелла ворвалась в комнату.

— Что с тобой случилось?

— Ничего... — Мне почему-то захотелось спрятать руку за спину. — Просто настоятельница сказала, что моя свадьба пройдет с поверенным, а не с женихом.

— И когда ты увидишь мужа?

— Только после того, как меня к нему отвезут.

— Вот ведь жук! — возмутилась Аньелла. — Даже приехать за невестой не мог! Да кто он такой?!

— Герцог.

— Что, правда?! — прижала ладони к щекам изумленная собеседница. — Настоящий? Значит, ты станешь герцогиней?

Я пожалала плечами и высказала свои подозрения насчет обедневшего рода.

— Наверняка вместо родового замка у него руины. Так что все достойные невесты ему отказали. А может, он древний старик? — с внезапным испугом предположила я, осознав, что возрастом жениха запамятовала поинтересоваться. — Потому и не может приехать самолично? Слишком дряхлый?

— А зачем тогда ему вообще жениться?

Во взгляде Аньеллы появилось сочувствие. Она положила руки мне на плечи, и я со вздохом обняла ее. Так, как обнимала бы настоящую сестру, если бы она у меня была.

— Попроси у него разрешения писать мне письма, — сказала Аньелла и вдруг всхлипнула. — Хочу знать, как ты там... Хорошо?

— Как скажешь...

— Обещаешь?

— Обещаю.

ГЛАВА 3

Мне снился костер. Треск горящего хвороста, возбужденные крики толпы, лица, искаженные алчным любопытством. В горле першило от дыма, а яркие языки огня подбирались все ближе к моим ногам...

Я проснулась с громким криком и, бросив взгляд на дверь, удивилась, как не перебудила всю обитель. Кажется, крича, я сорвала голос. Ночная рубашка была мокрой от пота, скомканное одеяло валялось на полу.

Во сне мои руки крепко стянули жесткой веревкой и привязали к столбу. Там я осталась совсем одна — без поддержки и близких, окруженная чужими людьми, которые желали моей смерти. Там меня хотели сжечь за колдовство.

Кое-как поднявшись с узкой кровати, я положила одеяло на место и подошла к окну. Уже светало, легкий ветерок развивался на просторе, и я вдруг позавидовала его свободе. Как бы мне хотелось самостоятельно распоряжаться своей жизнью! Но это право я давно потеряла. Настоятельница не раз подчеркивала, что не занимается благотворительностью, так что наверняка подсчитала, сколько я задолжала обители за годы, которые здесь провела.

Разумеется, приобретать невест в обители все равно выгоднее, чем в благородных семьях. О происхождении многих воспитанниц, как, например, о моем собственном, настоятельница рассказать не могла, но зато здесь девушки получали достойное образование и воспитание. За нами строго следили, не позволяли покидать небольшое пространство, в котором мы жили, к тому же ни один мужчина не приближался к воспитанницам, что гарантировало непорочность тех, кто останется в обители и станет новыми воспитательницами, и тех, кто уедет и сделается чьими-то женами.

Впрочем, не интересовалась, как это было у других, а меня никогда не тянуло знакомиться с представителями противоположного пола. Хватало историй, которыми нас запугивали, — о том, что из-за нехватки женщин некоторые недостойные мужчины становились настоящими дикарями и похищали девушек прямо на улице. Поэтому знатные дамы не покидали своих домов без отцов, мужей и слуг, а девицы и женщины попросту старались посещать рынки и ходить за водой вместе и никогда не выходили на улицу в одиночку. В обители тоже имелась вооруженная охрана, однако воспитанницы никогда не пересекались со стражами.

Может быть, к лучшему, что за мной приедет поверенный? Хотя бы небольшая передышка на пути к новому отрезку судьбы, возможность успокоиться перед тем, как увижу лицо будущего супруга. А свадьба... что ж, наверное, таким, как я, пышные празднества не положены.

Больше я так и не смогла заснуть. Сидела у окна и размышляла, старательно отгоняя воспоминания об отпечатке своей ладони на деревянной двери. Мне почти удалось убе-

дить себя, что случившееся померещилось растревоженному воображению. Почти, но не совсем. Я решила, что должна вернуться и еще раз взглянуть на след, который могло бы оставить раскаленное железо, если бы кому-то вздумалось сделать клеймо в виде девичьей ладони.

Решив не откладывать задуманное и стараясь сильно не шуметь, поспешила к двери, ведущей в сад. В столовой уже готовили завтрак, но дверь находилась в другом крыле здания, так что я благополучно миновала прямые, как стрела, сейчас еще пустые коридоры. Добравшись до нужной двери, на мгновение зажмурилась, точно боялась увидеть то же, что увидела вчера.

Отпечаток оказался на месте. Я приблизилась, чуть растопырив пальцы, приложила к нему ладонь. Совпадение получилось полным. Сомнений быть не могло. Моя рука оставила след, который теперь уже не стереть.

Но как такое могло случиться?..

Услышав за спиной шаги, отдернула ладонь и обернулась. Ко мне приближалась сестра Николина. Выглядела она огорченной.

— Вы... тоже... заметили? — спросила, поймав ее устремленный на выжженный след взгляд.

— Никому об этом не говори, девочка, — ответила целительница. — И постарайся в следующий раз сдерживать гнев. И не обрушивать его на ни в чем не повинные предметы.

Устыдившись, я опустила глаза. Сестра Николина была права. В ту минуту, когда ударила по двери, я действительно чувствовала, как меня переполняют ярость и боль. Но разве могла предположить, к чему приведет мой порыв? Будь я не обычной девушкой, а...

Будь я...

Додумывать эту мысль было страшно, я сжала кулаки, впилась ногтями в кожу. Боль отрезвила меня, и я подняла глаза. Даже попыталась улыбнуться, хотя больше всего сейчас хотелось закричать от ужаса и неверия.

— Спасибо за совет, сестра Николина. Вы верно говорите. Я никому не скажу.

— Вот и умница, — похвалила она меня и снова, как вчера, погладила по голове. — Ты ведь смелая девочка и справишься со всеми ударами судьбы. И с будущими, и с прошлыми...

— С прошлыми? — переспросила непонимающе. Но целительница уже развернулась и неспешным шагом направилась к кабинету настоятельницы. Так для меня и осталось загадкой, что же она имела в виду, произнося эти слова.

Виенна, баронесса де Кастеллано, больше всего ненавидела, когда что-то шло не по ее планам. До сего времени ей, даже будучи слабой женщиной, вполне успешно удавалось воплощать свои планы в жизнь. Рано оставшись без родителей, но с немалым унаследованным от них состоянием, она сделала очевидный вывод, что миром правит тот, у кого есть богатство, но, если мужчина может позволить себе действовать уверенно и порой грубо, то у женщины существует другое оружие. Внешняя привлекательность, мягкие движения, улыбки, скрывающие острые зубки, умение расплакаться в нужный момент и конечно же все последние достижения моды, призванные подчеркивать природные достоинства и прятать недостатки. У Виенны было довольно времени, чтобы всему этому научиться — и в девичестве, и когда она стала вдовой, после того как ее пьяный муж-барон свалился с лошади на охоте.

Но сегодня утром ей принесли письмо от Илари, фаворитки короля Арнальдо, которая считала Виенну подругой. В письме было известие, которое заставило баронессу не на шутку рассердиться.

— Он женится! — прочла вслух Виенна и, заметавшись по гостинной, гневно отшвырнула в сторону попавшую под ноги комнатную собачку. Та, заскулив, убежала, а баронесса скомкала письмо. Непременно решила бы, что новость — всего лишь шутка, не зная она как следует Иларию, которой было совершенно не свойственно чувство юмора.

Но как герцог де Россо может жениться на ком-то, кроме нее, Виенны? Разве мало сил и изобретательности она вло-

жила в их отношения? С того самого вечера, когда их представили друг другу на королевском балу, баронесса делала все возможное, чтобы завоевать герцога, и почти не сомневалась в успехе задуманного.

Она снова развернула письмо и перечитала его, нахмутив брови.

— Что за бред? Девушка из обители? Безродная особа, воспитанная старыми ханжами? Уж не сошел ли герцог с ума в своем уединенном замке? — Виенна разговаривала сама с собой, ведь лучшего собеседника она не могла себе вообразить.

Смяв огорчившее ее послание, баронесса отбросила его в сторону, поспешила в будуар и потребовала у камеристки, чтобы та немедленно привела ее в порядок. Баронесса собиралась повидаться с Иларией и узнать подробности происходящего лично, даже если понадобится отвлечь королевскую фаворитку от важных дел. Виенна не могла сказать точно, что разозлило ее больше — сам факт того, что Себастьян решил жениться, или то, что он не удосужился сообщить ей об этом лично.

Через некоторое время из зеркала на Виенну взглянула молодая оскорбленная женщина, всеми силами старающаяся сохранить достоинство аристократки. Легкая, но отнюдь не болезненная бледность, аккуратно зачесанные вверх, собранные и сколотые шпильками с жемчужинами светлые волосы. Несколько прядок выбивались из прически, что выглядело трогательно и нежно. Сейчас никто не дал бы баронессе ее реального возраста. Платье она выбрала довольно простое, но с большим декольте, что соответствовало моде и выгодно подчеркивало пышную грудь с соблазнительной ложбинкой.

«Может быть, не надо было делать ставку на герцога? — подумала вдруг Виенна. — Стоило выбрать короля? Но с ним мне светило лишь то положение, которое сейчас занимает Илария, а я не отказалась бы от перспективы стать законной женой, к тому же король не так хорош собой, как Себастьян де Россо».

Виенна решила отложить размышления на потом, покинула особняк и села в карету. Задержав занавески, за которыми мелькали столичные улицы, прикрыла глаза. Перед ними тут же появилось красивое лицо герцога де Россо. Падающие на лоб густые черные волосы, глубокие синие глаза, чувственные губы... Этим мужчиной хотелось любоваться, как произведением искусства. Не только пожирать глазами, но — прикасаться, чувствовать поцелуи, тепло его смуглой кожи.

Любой посчитал бы счастьем стать мужем Виенны. Невероятной казалась сама мысль, что можно променять благосклонность баронессы де Каstellано на союз с какой-то девкой из безвестной, затерявшейся в невероятной глуши обители.

Карета остановилась так резко, что Виенна едва не прикусила язык. Оказалось, какой-то нищий перебежал дорогу прямо перед экипажем. Сколько же их развелось за последнее время! Не проще ли отловить сразу всех и скопом отправить на галеры? Будь Илария поумнее, давно бы дала королю совет очистить столицу от бедноты. Но фаворитку интересовали только наряды да танцы. Ума у нее не больше, чем у пустоголовой фарфоровой куклы.

Наконец-то городские районы остались позади. Она ехала по парку, окружающему королевскую резиденцию. Здесь даже пахло иначе. Цветами, деревьями, травой, влажной прохладой и негой. Громко журчали фонтаны. Охрана баронессе не остановила — герб на карете говорил сам за себя.

Поудобнее устроившись на мягком бархате сиденья, Виенна неохотно потерла глаза — сначала руками, затем платком, чтобы покраснели и казались чуточку припухшими. Следовало выглядеть заплаканной. Так Илария встанет на ее сторону, а заодно и подумает, что, упустив герцога, баронесса вполне может сменить цель и переключиться на короля, которому давно наскучили прелести нынешней фаворитки. Мужчины не выносят однообразия. Этот урок был усвоен Виенной давно, и исключений из правила пока не встречалось.

ГЛАВА 4

Я послушалась сестру Николину и никому не рассказала об отпечатке ладони на двери. Хорошо, что этим ходом пользовались редко, так что оставалось надеяться, что никто ничего не заметил. Зато о том, что вместо жениха приедет его поверенный, стало известно всем. Поначалу девушки наперебой возмущались тем, что не увидят моего будущего мужа и не смогут подтвердить или опровергнуть догадки о его внешности. Но затем сообразительная Аньелла заявила, что не выпустит из обители ни меня, ни моего спутника, пока не выведает у него все подробности о герцоге.

Неизвестно, как она собиралась это проверить, но меня ее слова развеселили и на какое-то время разогнали смутение, поднявшееся в душе из-за происходящего. Как бы я хотела, чтобы моя очередь покинуть обитель еще не настала! Хотя бы на недолгое время продлить дни, наполненные уроками, рукоделием, разговорами с воспитанницами. Сейчас даже то, что прежде раздражало, вызывало ностальгическое желание никогда с этим не расставаться. А тут еще история с дверью...

Прошло два дня, вещи были собраны. Меня освободили от занятий, и я тенью бродила по обители, с тоской заглядывая в знакомые с детства помещения — просторные светлые классные комнаты, маленькие кладовые, библиотеку, где требовательная сестра Корнелия неусыпно следила, чтобы девушки читали только то, что рекомендовано настоятельницай. Впрочем, как мне казалось, непотребные книги сюда не попадали. Наверняка новые произведения тщательно проверяли, а те, что не подходили для чтения, немедленно сжигали.

Сжалившись надо мной, сестра Николина попросила помочь ей в лазарете. Две девушки отравились дикими ягодами — кусты проросли через ограду. Так что требовалось приглядывать за обеими — как бы не стало хуже. Занявшись делом, я немного отвлекалась от собственных тревог. К тому же на меня успокаивающе действовала компания целитель-

ницы. Ее спокойный голос и почти материнская нежность дарили надежду, что не все в мире так плохо, как кажется.

Беседу о супружеских обязанностях тоже провела сестра Николина. Несмотря на то что сама она так и не вышла замуж, эта мудрая женщина владела знаниями, полученными из книг по медицине. Правда, касались они в основном не того, что происходило между мужем и женой в спальне, а последствий брачной ночи, то есть появления на свет младенцев. Единственное, что особо подчеркивалось сестрой Николиной в беседе — женщина должна быть покорна воле мужчины. Отчего-то данное утверждение вызывало внутренний протест, но я промолчала, безропотно дослушала лекцию до конца, только все сильнее и сильнее комкала руками грубую ткань платья на коленях.

Поверенный приехал внезапно — вечером, когда все поужинали и разошлись по своим комнатам. За мной опять явилась отправленная настоятельницей сестра Николина. Сказала, чтобы я захватила все свои вещи и поторапливалась. Девушки, несмотря на то что им никто ничего не сказал, высыпали из комнат. Не так уж часто за нами приезжали издалека, да и знатных людей среди женихов воспитанниц почти не встречалось, так что мой случай казался из ряда вон выходящим, потому и провожали меня всей обителью.

Я держалась, старалась сохранить спокойствие, что-то говорила, даже улыбалась. Раздала приготовленные подарки. Крепко обняла сестру Николину, Аньеллу, еще нескольких девушек. Некоторые воспитанницы, не сдерживаясь, всхлипывали.

— Что вы плачете? — попыталась их успокоить. — Я ведь не умираю! Просто выхожу замуж!

— Девушки, поспешите, — напомнила о позднем времени настоятельница.

Поверенный герцога оказался ничем не примечательным человеком. Среднего роста, лысоватый, одет в дорожную одежду практичных черно-коричневых тонов. Однако его бесцветные глаза за металлической оправой очков смотрели

так строго, что даже бойкая Аньелла не решилась расспрашивать о моем будущем муже.

Через некоторое время мы с поверенным подписали бумаги, и настоятельница с бесстрастным видом зачитала церемониальные слова. Часть из них я послушно повторила, дала необходимые клятвы, поставила на бумаге отпечаток пальца, чем закрепила свое согласие на брак. С моей руки сняли принадлежащее обители кольцо, а вместо него надели другое — совсем простенький золотой ободок с выгравированным на нем узором, рассмотреть который при свете свечей у меня не вышло.

Пути назад не было.

Карета поверенного ждала за воротами обители. Я так давно не покидала стены, в которых провела большую часть жизни, что казалось — мне снится сон. Все вокруг размывалось и сливалось, и я не сразу поняла, что по моим щекам текут слезы. Их можно было принять за капли дождя, если бы не горьковато-соленый вкус на губах. Я вытащила из кармана платок и терла глаза до тех пор, пока не начало щипать.

А после того как слезы высохли, села в карету, забралась в самый дальний угол и отвернулась к окну, за которым сгустились летние сумерки.

Королевская резиденция выглядела как образец кичливой роскоши. Повсюду блеск, вычурная мебель, парчовые занавески. Но приближенные к королю придворные знали, что казна его не так богата, как правитель силился показать, время от времени пуская пыль в глаза иностранным гостям. Однако пока рано было говорить и о том, что королевский двор обнищал.

Илария сидела на балконе собственной спальни, куда подали то ли поздний завтрак, то ли ранний обед. Молодая женщина с волосами морковного цвета, небрежно рассыпанными по плечам, лениво двигала по серебряному подносу блюдца с закусками. Баронесса поморщилась — если фаво-

ритка короля и дальше станет так поглощать сладкое и острое, едва ли это пойдет на пользу ее коже.

— Я приехала поговорить о письме, — без долгих предисловий заявила Виенна. — В нем написана правда? Герцог де Россо в самом деле...

— Да-да, — томно отозвалась Илария. — Мы все не меньше поражены, милочка. Вчера за ужином только и говорили, что о скорой свадьбе герцога.

— Но как ему такое могло прийти в голову?!

— Понятия не имею. Ты ведь знаешь, каковы мужчины. Не нам пытаться постичь их мысли.

Баронесса вздернула брови. Собеседница раздражала ее все больше. А это фамильярное обращение «милочка»! Его так и хотелось запихать фаворитке в глотку. Чтобы подавилась — если не своими словами, так тем, что сейчас жевала.

Но приходилось играть роль подруги, расточать медовые улыбки и делать вид, что всю жизнь мечтала выслушивать все эти глупости из уст Иларии.

— Да, так несправедливо по отношению к тебе... Мы-то думали, герцог сделает предложение... Но что поделаешь!

— Что поделаешь? — переспросила Виенна. — Что поделаешь?! А как бы ты поступила на моем месте?

— Я уже на нем. Королю поступило выгодное брачное предложение из Хальфдана. Он готов ответить согласием. Его будущая невеста — северянка, наверняка невежественная дикарка.

— Да уж... — отозвалась баронесса. Быть фавориткой неплохо, но законная жена — совсем другое дело. Однако Иларии королевой не стать ни при каком раскладе.

— Так что лучше меня никто тебя не поймет, — продолжила та. — Вот, угощайся! Только что приготовили, пальчики облизай!

— Нет, спасибо, — буркнула Виенна и тут же отвернулась, сделав вид, что вытирает несуществующие слезинки. — Со всем нет аппетита. Твое письмо разбило мне сердце.

— Как жаль, что я так тебя огорчила! — вздохнула собеседница. Баронессе вспомнилось, что в былые времена гон-

цам, которые приносили дурные вести, отрубали голову. Вернуть бы этот славный обычай!

Потребовалось еще несколько долгих минут разговора, чтобы сделать вывод, что больше фаворитке ничего не известно. Ни имя невесты Себастьяна, ни причина его странного решения о вступлении в брак. Если король что-то знал, то с Иларией не поделился.

Следовало поговорить с другими придворными. Не все так глупы и не любопытны. Наверняка хоть кто-то что-то да выяснил.

Но так вышло, что первым, кого встретила Виенна, выйдя из опочивальни фаворитки, оказался сам Арнальдо — редкий момент, когда король Ирстании шел по дворцовым коридорам без сопровождения. Увидев баронессу, он остановился, и она тут же склонилась перед ним в хорошо отрепетированном поклоне, прекрасно зная, какой заманчивый вид открылся мужчине, когда вырез платья чуть опустился, еще больше обнажая грудь.

— Ваше величество!

— Баронесса де Кастеллано! Чем обязаны столь раннему визиту? — Арнальдо провел кончиками пальцев по щегольским усам, которыми очень гордился.

— Приезжала повидаться с Иларией. После того как получила от нее письмо. Оно касается...

— Дайте угадаю. Герцога де Россо, так? Вы равнодушны к нему?

— Вы так наблюдательны!

— Не могу не посочувствовать. Вы так хороши, что солнце, устыдившись за себя перед лицом вашей прелести, прячется за тучи. Вам ли страдать из-за расставания с женщиной, баронесса?

— Виенна. Зовите меня просто Виенна. Ведь мы с Иларией лучшие подруги.

— Согласен. Надеюсь, случившееся не сделается причиной дурного настроения и вы не станете навещать нас реже. Мы всегда рады вашим визитам.

— Конечно же, ваше величество! Однако... Никак не могу понять, почему герцог де Россо принял столь опрометчивое решение.

— Об этом вам лучше спросить не у меня, а у него самого.

— Вы правы! Но ведь герцога сейчас наверняка нет в столице. Он в своем замке, куда ни разу меня не приглашал, — печально опустил глаза, пожаловалась баронесса.

— Так поезжайте без приглашения! Сделайте герцогу сюрприз. Хорошая идея, а?

— Великолепная! Но я не знаю точно, где находится замок... Боюсь заблудиться в дороге.

— Я дам вам провожатого.

— О, ваше величество! — Виенна сделала еще один реверанс — куда более низкий. Король обхватил пальцами ее ладонь и задержал руку баронессы в своей чуть дольше, чем позволялось правилами этикета.

К себе Виенна возвращалась в приподнятом настроении. Первая хорошая новость состояла в том, что баронесса узнала — она нравится Арнальдо, значит, вполне может рассчитывать на его покровительство. А вторая — предложение отправиться в замок Себастьяна де Россо прозвучало как нельзя кстати. Ах, до чего же не умны те женщины, которые не научились пользоваться своей принадлежностью к слабому полу! Они и не догадываются, что порой правильно подобранный наряд и трепетание ресниц действуют ничуть не хуже прочной кольчуги и острых стрел.

ГЛАВА 5

Свое первое путешествие в обитель из места, где меня нашли, я почти не запомнила, поэтому сейчас все было в новинку. И долгий путь в карете по тряской дороге, и неудобная поза, из-за которой занемело тело, и необходимость находиться в замкнутом пространстве наедине с едва знакомым человеком. Тот факт, что человек этот являлся мужчиной, а не женщиной, к обществу которых я за свою жизнь привыкла,

добавлял нервозности. Я старалась не смотреть на поверенного и решила не заговаривать с ним первой. Отчего-то казалось, что и ему поручение привезти меня к супругу не доставляло радости. Он просто выполнял свою работу. Сначала по доверенности вступил со мной в брак от имени другого человека, а затем вынужден был сопровождать туда, где мне предстояло начать новую жизнь.

Какой она окажется?..

Я думала, что ехать придется всю ночь, однако карета остановилась. Мой молчаливый спутник сообщил, что мы прибыли на постоялый двор, где останемся ночевать. Прежде мне никогда не приходилось бывать в таких местах, так что я с любопытством рассматривала неказистое строение в два этажа с короткой трубой, из которой поднимался дым. Коней отправили на конюшню, а меня по узкой темной лестнице провели в тесную комнатку под самой крышей. Поверенный спросил, не голодна ли я, на что я ответила, что поужинала в обители. Удовлетворившись ответом, он ушел, посоветовав беречь свечи и наутро быть готовой к продолжению пути. Закрыв дверь на ненадежный по виду крючок, я переделалась в ночную рубашку и, погасив свет, юркнула под одеяло, надеясь, что в помещении нет мышей, крыс или насекомых.

Заснуть получилось не сразу. За стеной в коридоре слышались шаги, по соседству, в комнате, где расположились другие постояльцы, звенели голоса. Я вертелась с боку на бок, то натягивала тонкое одеяло на плечи и пыталась спрятаться в нем, как делала в детстве, то порывалась сбросить его на пол. Темнота казалась почти живой. Крохотное оконце заросло паутиной и практически не пропускало лунного света. Я знала, что нужно поспать хоть немного, чтобы на следующий день чувствовать себя отдохнувшей, но провалилась в сон гораздо позже, чем легла — тогда, когда стихли все шумы. Хорошо хоть, что мои недавние опасения не оправдались, и никто «бегающий» или «ползающий» не тревожил во сне.

В обители обычно вставали рано, так что утренний подъем не застал меня врасплох. К моменту появления в моей комнате поверенного (имя его, к своему стыду, успела забыть) я оделась и умылась холодной водой из стоящего на прикроватном столике кувшина над стоящим тут же небольшим тазом. Уборная, как и следовало ожидать, находилась во дворе, а завтракали мы в общем зале. Нам подали жаренную до хруста яичницу, щедрые ломти непропеченного хлеба и остывший чай.

А дальше продолжилась дорога. Отодвинув занавеску, я наблюдала, как менялся пейзаж, становясь из привычно-знакового неуловимо-другим. Мимо проплывали возделанные поля и виноградники, на которых работали просто и бедно одетые люди. Затем их сменили казавшиеся бесконечными зеленые луга и шумные речушки, а вдалеке уже виднелась полоса высоких гор. Иногда мне хотелось, чтобы карета остановилась и можно было поближе рассмотреть то или иное место, размять ноги, освежиться прохладной водой. Но я не осмеливалась просить своего хмурого спутника оказать мне такую милость.

Удивительно, но через некоторое время он заговорил со мной сам.

— Почему вы не спрашиваете, далеко ли еще ехать? — заинтересовался поверенный хриплым после долгого молчания голосом.

— Сколько бы ни было, нам все равно нужно проделать этот путь, — отозвалась я.

— Терпеливая девушка... Я-то ожидал от вас неизбежных капризов. Хотя, если вспомнить, где вы росли...

— Я не привыкла капризничать, господин.

— Оно и видно. Но, думаю, у вас накопилось много вопросов, верно? Спрашивайте же!

Я недоверчиво взглянула на спутника. Можно спрашивать обо всем? В самом деле?

— Куда мы едем?

— В родовой замок герцога де Россо. — Он назвал фамилию, которую я уже видела на бумагах, когда их подписывала.

— Та церемония, что прошла в обители, действительно считается заключением брака? — решила уточнить у мужчины. — Значит, меня уже можно считать замужней женщиной? Или...

— Пока не совсем, — хмыкнул собеседник. — Видите ли, бумаг и брачных клятв недостаточно. Требуется кое-что еще.

— Что же?

— Только обещайте, что не станете рыдать, охать и ахать, — с некоторой опаской произнес он, посмотрев в мою сторону.

— Обещаю, — не без тревожного чувства согласилась с его условием.

— Надобна консуммация брака. Окончательное его завершение. Но тут уж вам придется дождаться встречи с герцогом. Проведете с ним первую ночь с соблюдением всех надлежащих обрядов и по-настоящему сможете именоваться замужней. Ведь известно же — если у супругов нет близких отношений, это повод для развода.

— Для развода? — переспросила я, догадавшись, что поверенный говорил о том же, о чем и сестра Николина, только не с медицинской, а с законодательной точки зрения. Непонятным оставалось только, какие обряды он имел в виду. — И что же происходит с разведенными женщинами? Ведь жить с мужьями они не могут.

— Слышал, что раньше подобные происшествия считали позором. Но сейчас, когда представительниц вашего пола не хватает, разведенные женщины снова могут считаться невестами. И питать надежду, что с другим благоверным им повезет больше. А те, которые больше не желают выходить замуж, могут уйти в обитель вроде той, откуда я вас забрал. Однако, думаю, не всех туда принимают.

— Развод может быть дан только по этой причине?

— Есть и другие, но там все сложнее. Уж слишком вы загорелись этим вопросом! Неужели, не став женой, задумались о разводе?